

Цикл “Историк”

Рассказ I

Единовластие

Когда крепнет центральная власть, подходя к ступени единовластия, властитель должен преодолеть последнюю преграду – переступить через жизни бывших сподвижников – соперников единовластия.

Алексей Снегов

...Мы с невестой еще раз поссорились. И мне пришлось идти бродить по городу одному, среди серых теней продрогших крыс, снующих по улицам и не замечающих меня. Снег хрустит под моими осторожными шагами, будто я кромсаю его когтями. Холодный ветер, бродящий по широким прямым дорогам Штрауба, враждебно терзает шерсть у меня на загривке острой снежной пылью, заставляя горбить спину. Мне холодно, грустно и одиноко.

Что-то заставило меня остановиться. Это морозный ветер взвыл особенно скорбно. Я поднял опущенную голову, всматриваясь в затянутую пургой высь. Высокая башня расщеплена ударом тяжелого истребителя тремя остриями – тремя темными шпильями, меж которых и бродит злобно оскаленный снежными иглами ветер. Страшное здание. Здесь мне в голову придут еще более мрачные мысли. Здесь я и останусь, здесь мне и место. И пусть она знает, моя невеста, что я... Ей назло я готов сделать все, как был готов сделать все ради нее. Нет, ей назло я готов сделать больше! Да, точно. Жаль только, что Айнер называет все это – дурью, со всех цепей спущенной и на воле вольной разум травящей. Он считает, что я скукой страдаю, когда с невестой расстанусь и воссоединяюсь. Считает, что надо меня заставить трое суток в руинах с излучателем таскаться. Думает, что так он мне голову очистит, – что так у меня о невесте и мысли не останется. Не знаю, правда это или нет – у меня нет излучателя, как у Айнера, а у Айнера нет биологического кода, как у меня. Ему ученые офицеры S3 задали программу боевого офицера S9, с которой он должен только воевать и думать только о войне. А мне мать с отцом задали кучу программ, с которыми думать о войне просто не остается времени. Я не человек, я – кот... Мы вообще не воюем – только деремся... Мне нужно думать, как добыть крыс, найти невесту... добыть еще крыс... А Айнер утверждает, что нет на меня управы в виде сержанта... что сержанту эту дурь из моей головы вышибить – раз плюнуть... Это у кого еще дурь в голове, не ясно... Невеста – это ему не излучатель... Я вообще не знаю, как у него вышло их рядом поставить... Невеста не стреляет огнем, а излучатель не обижается и не впиивается когтями в загривок... Ничего Айнер не понимает. Никто меня не понимает... Никто! Особенно крысы!

Я ступил на лестницу, занесенную снегом... Здесь нет никаких следов – в это здание не забредают и крысы... Я здесь один... Я здесь один такой... Такой отчаянный храбрец, удаляющийся на веки вечные от тщетных сует в гордом одиночестве... Да. Вот как. Вот какой я. Я высокоинтеллектуальный хищник... Охотник, черной тенью крадущийся по следу... Нет, здесь нет следов... Я просто – крадусь...

Что это?! Я отпрянул к стене и встопорщил шерсть... Что-то бросилось на меня, и я помчался прочь...

Ужас какой... Я позорно бежал от своей тени... Кошмар... Ничего, я сотру эту запись из памяти ошейника, и никто не узнает об этом, будто этого не было. Я теперь знаю, как это сделать... Обязательно сотру... Если не забуду... Но что это? Открытые двери...

Стараясь не высунуться из темноты коридора, я осторожно заглянул в светлый зал... Пусто? Нет... Просто в ярком свете не сразу видно... не сразу видно, что “защитники” застыли у стен, не сразу видно, что... Ведь все белое – белый свет, белый снег, белый зал и белые офицеры... Офицеры?! Офицеры – это люди! Я скрылся во тьме еще до того, как шерсть вздыбилась... Ужас!.. Они здесь!.. Они рядом!.. Что мне делать?! Они не должны заметить меня!

Я было рванул во мрак, но встал и... Люди... Люди погибли, их нет... Только один Айнер... Но

он ушел воевать, взяв с собой... Холодный “защитник” был с ним всегда, но крысюк... Он взял с собой серьезную крысу и еще страшного зверя, верхового... А меня не взял! Я не холодный, не серьезный, не страшный и не верховой... Я Айнеру в спутники не подошел... Обидно до... Он теперь хранит границы пространств и времен... или их безграничность... Он теперь с каменным Стражем... А я... Но не важно, что я один и всеми забыт... Важно, что других людей нет... В Штраубе их нет и мертвых... Я их не нашел... Их расщепил враг еще при штурме... Или они глубоко под снегом...

Я осторожно подошел к двери и заглянул за тяжелые раскрытые створы... Нет, мне не показалось... Это точно люди... И они сидят за длинным столом в высоких креслах... и спят... с оружием в руках... Это высшие офицеры – S12... И на всех них длинные штабные шинели, форма белая, как снег... И их спящие лица, холодные и белые, как снег... Глаза привыкли к свету, и я заметил... Это иней! Их лица покрыты инеем! Они не спят! Они мертвы и замерзли! Мя-яя!

Я сжался, вжимаясь в тень, стараясь унять дрожь... Но кончик хвоста, нервно дергаясь, предательски стучит о стену... Они мертвы, они не могут мне ничего сделать. А вдруг могут?! Нет, не могут. А вдруг?! Но я же отважный и отчаянный... Я же гордый и одинокий... Я хищник!

Я влетел в зал, замерев ровно посередине, на самом светлом и открытом месте... Люди остались неподвижными, как обычно и поступают мертвые... Эти высшие офицеры завершили задачи, как эти “защитники”, – они стерли память, сожгли разум... Но, взглянув им в открытые глаза, я... Мои когти похолодели, в глазах поплыло... и я сиганул под стол.

Что теперь? Надо отсюда как-то выбираться... Только слишком страшно... Но я же не побоялся прийти сюда... Правда, я не знал, куда шел... А теперь – знаю! Я знаю, кто эти люди! Я узнал их! Я видел их проекции... Совет AVRГ – последний его состав... Эти замерзшие мертвые офицеры – генералы Совета... А этот офицер, сидящий во главе стола... Этот офицер, у ног которого я залег, – верховный главнокомандующий... Это ему подчинялись все люди, все армии... весь этот мир... все вообще... Он один здесь смотрит прямо застывшими замерзшими глазами... Он смотрел этим взглядом и прежде, смотрит и теперь... И мне кажется, что он был мертв тогда или не мертв сейчас... Это очень страшно, ведь в его затянутой перчаткой или инеем руке – оружие...

Что же мне теперь делать?.. Я должен собраться силами и скрепиться духом... И бежать отсюда – без оглядки... Просто, стоит мне оглянуться, этот затянутый инеем офицер начнет сниться мне в ночных кошмарах и являться в – дневных... Я этого не вынесу! Ведь этот офицер – не человек! Я понятия не имею, кто или что он такое! Если бы я точно знал, что он просто перестал быть человеком и просто стал машиной, мне бы было спокойней... Но я понятия не имею! Никто не знал, не знает и не узнает правды о нем! Никто не узнает... Но ведь его ошейник при нем... Это его мысли, его отчетная память... И я могу... Нет!.. Нет!.. Не могу!.. Но я – историк, я должен... Но я не могу! Но я должен...

Мы с невестой поссорились именно из-за склонности к разным наукам... Вернее, я думал, что я склонен ко всем наукам сразу, когда голова моей невесты забита только медициной, но оказалось, что я – историк. Ведь история – обо всем. Это наука обо всем, что было, что есть и что будет. О том, что было и будет, я узнаю со временем. А о том, что есть сейчас, я знаю сейчас... И я должен сохранить это в истории. Ведь историк – ответственное лицо перед лицом истории. Я обязан точно записать все, что происходит. Нет, не все – только то, что очень важно. То, что мы охотимся на крыс, а руггеры – на червей, конечно, важно... Но то, что я залег под столом в Зале Совета и вижу ужас в моих глазах, отраженных сапогами верховного главнокомандующего исчезнувших армий, властителя разрушенных крепостей, правителя ушедшей расы... И в моих, цепенеющих от колючей жути, когтях его память...

Я знаю, что это будет тяжело, но я сделаю это... Ради моей невесты я поборю этот страх. Тогда она поймет, какой я... И еще поймет, какая это наука – история. Сейчас у нас все просто – мы ведь простые. Но тогда все было не так – тогда, когда были люди... кроме которых почти никого не было. У людей всегда все сложно, ведь они – сложные. Кроме рядового Рёвина. Но о нем я уже все знаю. Он спал, ел и пил, кого-то убил в драке и был послан в бой, из которого не должен был вернуться. Он и не вернулся... Его и весь взвод погребли топи каких-то жутких трясин и болот где-то в лесу во время какого-то перехода или марша... Я не знаю, куда и откуда он шел, потому что он

этого не знал. Мне очень жалко, что именно он погиб, потому что только его мысли я и понял. Но вообще, самое важное всегда то, что не понятно. Поэтому я, разинув рот, смотрю сейчас ему в глаза – этому офицеру, которому боялись смотреть в глаза все... не один я...

Я клацнул зубами и снова открыл рот.

Я еще раз клацнул зубами, но рта уже не открыл.

Теперь я могу подойти ближе и... Я дрожу от страха, но я смогу... Я замерз, мой хвост окаменел от стужи, но я справлюсь... Мя-яу! Я прыгнул на грудь офицера, цепляясь за ворот его шинели когтями... Зацепился! Я смог! Я долго отрабатывал этот прыжок на Айнере, и мои тренировки не пропали попусту! Теперь схватить карту памяти ошейника! Отцепиться! И бежать! Бежать без оглядки! По темным коридорам... по заснеженным ступеням... по пустым улицам... Прямо к руинам Центрального управления DIS – службы безопасности... Без остановок! Прямо к электронному мозгу третьего порядка, который прочтет память этого замерзшего офицера...

(Алексей Снегов – верховный главнокомандующий Армии РСФСР, глава Совета РСФСР. Уровень – S12, личный номер – 11. Отчет в ментальном формате)

Запись №1

03. 01. 1001 год Эры Порядка 05:00

Враги. Теперь кругом одни враги. Я закрыл глаза, всмотрелся в отражение моего лица, отпечатанное светом на темном зеркале стола. Зал пуст. Я один. Но враги окружают меня тесным кольцом. Оковав тяжелым обручем мою голову, они стягивают его, сдавливая им мою волю, сужая с ним круг моих полномочий. Теперь, когда Светлов устранен, они станут сопротивляться сильнее. Они поняли, что Светлов только первый. Но когда они убедятся, что Светлов только первый, их сопротивление угаснет под гнетом страха.

Беркутов. Как сильнейший, следующим покинуть систему должен он, но сейчас он нужен мне как глава Центрального управления СГБ – глава службы государственной безопасности. Он опаснее других, но сейчас ему нет замены. Хакай, трижды сожженный, вернулся. Он берет укрепление за укреплением, посылая диверсантов на объекты оккупированных территорий, засылая шпионов на объекты системы. Хакай, не раздумывая, применяет запретные технологии. Он вооружает бойцов сопротивления, поднимая бунты, собирая мятежные отряды в армии. Он вынуждает меня проводить тяжелые карательные операции, вынуждает меня быть пособником усиления освободительного движения – его цели. Это следует пресечь сейчас. Иначе – скоро порядок будет обрушен высвобожденным хаосом запретных технологий. Беркутов необходим мне. Он должен отыскать память трижды сожженного Хакая. Я ограничусь Ручьинским. Его смерть ослабит влияние Беркутова в Совете. У меня будет время подготовить ему замену.

“Защитник” застыл у входа, устремив в пустоту холодный свет глаз.

– Мне нужны данные по готовым к запуску офицерам S12. Срочно.

“Защитник” открыл мне линию, передал данные в ментальном формате. Я просмотрел базовые программы низшей памяти, надстроены программы высшей памяти.

Взоров. Он подходит. Его разум еще чист. Его разуму по силам не только править, но подчиняться моей власти.

– Прямым приказом запуск Взорова должен быть отложен до внесения мной корректив в программу его сложной памяти.

– Так точно.

– Взоров должен быть переправлен в первый блок центра подготовки нейросистем особого назначения под охраной техники А1. Ни один человек не должен быть допущен к телу до внесения поправок в программу.

– Будет сделано.

Я положил на пустой стол немеющую руку. Остановил на опутанной холодом руке слепнущие глаза. Беркутов проницателен, он заподозрил, что с утратой сил прежних, я получил новые. Скоро

он убедится, что силы эти выше, что они неподвластны ему. Тогда он устранил меня, не позволит мне обрести такой мощи, когда никто не посмеет пойти против меня. Но время теперь преданно служит мне, сменив моих, отрекшихся от меня, офицеров. Скоро оно будет подвластно мне одному.

На мониторах показался мой адъютант, только что вошедший в длинный коридор. Я поднял глаза на проекции, но такое зрение не способно теперь показать мне идущего к дверям офицера. Я не вижу отображения, но читаю разумом с четкостью, с какой не читали его мои глаза. Полковник Яров остановился за закрытыми дверями, ожидая проведения опознания. Яров давно стал моими глазами, руками, не зная этого. Не зная этого, он давно стал моим лицом – лицом человека, скрывая эту, отраженную зеркальным столом, маску. Полосы контроля погасли, пропуская его, перед ним разошлись дверные створы.

Яров – достойный боевой офицер. Он обладает качествами, требующимися на поле боя. Для штаба он не пригоден. Его место на линии огня. Но его обязанности при мне не способен исполнить ни один “спутник”, ни один “защитник”. Ни одной машине, ни одному подготовленному для штабной службы офицеру не вернуть мне видимости утраченной жизни. Полковник Яров вошел в зал. Следуя моим строгим указаниям, он застыл у входа, не нарушая тишины.

– Яров, сядьте.

Он подошел к длинному столу, собираясь занять противоположное место во главе. Яров не боится смотреть мне в глаза, но ищет удаления. Он не скрывает, что здесь только по моей воле, по высшему приказу. Он не скрывает ничего, но ничего не высказывает словом, ничего не выказывает видом без спросу.

– Рядом. Здесь, Яров.

Я указал ему место по правую руку – место генерала Беркутова. Он подошел ближе. До меня дошел его высокочастотный страх, прошедший по ментальному фону коротким сигналом, пресеченный волевым усилием. Он молча опустился в кресло, напряженно застыл, не касаясь прямой спиной высокой опоры. Яров не смотрит мне в глаза, когда не смотрю я, как сейчас. Но я вижу его не глазами. Я вижу его не одним зрением. Отраженный свет показывает мне его резко очерченное лицо с прямым жестким взглядом – лицо, зримое всем. Излучение его разума дополняет зримость, проявляя бесстрашную гордую честность. Но его общее поле четко чертит тяжелую, скрытую разумом, усталость, сгибающую прямую спину, склоняющую поднятую голову, опускающую устремленный к цели взгляд. Я вижу его боль. Мне видны его обожженные, рассеченные нервы, его скрытые от света медицинской правкой шрамы, сохраняющие следы боли, несмотря на усилия врачей армейской медслужбы. В этой проекции я вижу его лицо искаженным страданием, изувеченным рубцами. Он не скрывает ни одного истинного лица, но не знает, что кто-то способен видеть их все вопреки его воле.

– Курите, Яров. Я знаю, вам это еще нужно.

Он положил открытую пачку на стол, взял сигарету, закурил. Я еще помню, что прежде был способен вдыхать дым, но это было давно, теперь память об этом почти распалась.

– Вы в курсе истинного положения дел, Яров. У вас нет точных данных, но вы наблюдательны, вы понимаете.

Я перевел на него взгляд. Он мысленно отпрянул от меня, но пресек действие высшим контролем, не позволив страху сойти к внешней проекции, отображаемой светом. Я знаю, что он ответит, что сделает. Я знаю, что побудит его сделать это не преданность мне, он предан только системе. Он понимает, что скоро я перестану быть человеком. Но он понимает, что скоро системой не способен будет управлять ни один человек. Яров расстегнул кобуру, положил отключенное оружие на стол рядом с пачкой сигарет.

– Я рассчитываю не только на ваше оружие, Яров.

– Мое оружие, мой разум, моя жизнь... Что вам нужно еще?..

– Правда.

Он всмотрелся в мои слепые глаза без содрогания.

– Вы еще похожи – издали.

– Только издали.

– Снегов, вас называют – замерзшим вечным холодом, как Хакая – трижды сожженным. Вы

подобны слепой статуе – ваши движения бедны и скованы, как ваша речь. Вы не реагируете на обычные для человека раздражители. “Защитники”, подключаемые к действию только расчетом необходимости действия, реагируют, а вы – нет.

– Нет необходимости в стольких действиях, достаточно ответа в одном мысленном формате.

Яров думает. Его фон поднимает высокие пики перебойных излучений. Чередой сменяются уверенность, смятение, готовность к действию, отмена действия, ожидание действия. Его разумом затронуты расширенные связи долгосрочной памяти. Он ищет ответ. Его разумом задеты зоны агрессии. Побудительные, тормозящие импульсы. Ему трудно ответить мне.

– Снегов, человеку не доступны части излучений, доступных вам... Вы не даете человеку понятного для него ответа. Ваш мысленный ответ четок, но односторонен – он не видим и не слышим человеку, получающему часть данных в форматах отраженного света и колебаний воздуха.

– Мои руки онемели, глаза ослепли. Вы знаете, что я иной.

– Мне известно только, что генералы Совета РССР решили, что вас нельзя больше считать человеком. Скоро Совет объявит вам “недоверие” и потребует от вас передачи полномочий главе Центрального управления СГБ – генералу Беркутову. Он постарается закрыть вас тишиной и прервать ваше существование, которое больше не считает жизнью.

– Вы знаете, кто я?

– Нет. Знаю только, что вы давно не человек, Снегов, – вы только похожи.

– Но я теряю сходство с человеком, Яров.

– Уже потеряли. Вы забываете не только движения людей, людской взгляд, но и код речи.

– Вы заметили?

– Заметил. Я знал, что это произойдет, когда вы замолчали. Это было давно. Теперь вы потеряли голос, как теряете слух и зрение.

– Вы знаете, что теперь я вижу иначе?

– Знаю. Мне не известен принцип действия вашего зрения. Но мне известно, что оно дает вам информацию и с видимых, и с невидимых мне частот. Еще мне известно, что ваш разум прямо и едино зрит все, что я вижу, слышу и ощущаю.

– Я вижу вас одновременно в шести проекциях, Яров, определяя все частоты испущенных, отраженных, пропущенных, задержанных вами излучений этих проекций.

– Вам виден весь спектр, электромагнитное поле и излучение, потоки и колебания частиц... Вы стали всевидящим, Снегов.

– Только мой разум. Мои глаза – затянуты туманом, руки – скованы холодом. Нет ничего прежнего. Теперь уходит прежняя память. Я определяю объекты по другому принципу излучений, отражений. Я не помню, что значит свет, мрак в забытой мной системе получения, обработки, передачи данных. Это не доступно мне. Не ясно мне, как вам – мое восприятие происходящего, подобное восприятию высших технических единиц.

Яров согласно склонил голову.

– “Защитнику” проще понять ход ваших мыслей и действий, чем человеку.

– Вы считаете, что я стал машиной, Яров?

– Считаю. Вы стали химической машиной, сходной с офицером S12. Ваше строение неуклонно меняется. Центральная нервная система развивается, когда деградирует периферическая. Ваша нервная система перестраивается и централизуется. Процессы замедляются, и кровь остывает.

– Похоже, что я умираю.

– Но вы не умираете долгие годы. Вы слепнете, остываете, но не умираете, продолжая мыслить и действовать подобно машине. И скрываете это.

– Мое ДНК меняется, отдаляя меня от жизни, от того состояния, которое обозначено жизнью. Моему коду нет подобия, Яров. Мое существование скоро нельзя будет обозначить жизнью.

– Жизнь обозначили и ограничили пределами биохимии. Но мыслящие и действующие объекты существуют и вне жизни. Как машины.

– Мы все существуем, как машины, разделенные по обозначениям, Яров.

– Согласен с вами.

– Вы знаете, кто я. При этом вы продолжаете честно служить мне. Вы убеждены, что этой

службой вы исполняете долг перед системой.

– Я дал вам присягу, когда вы были еще человеком, но я готов присягнуть вам, не зная, кто вы.

– Вы сделаете это. Вы исполните мой приказ, не подтвержденный мной перед системой. После этого вы будете вольны выбирать.

– Я несу службу с вами, Снегов.

– Вы исполните приказ, после будете переведены в выбранный вами штабной корпус с сохранением всех привилегий или примете командование над третьей армией СССР.

– Я боевой офицер. Я создан командиром полка и выберу полк.

– Вам предоставят людей, технику.

– Что я должен сделать?

– На выходе вас ждет “защитник”. Он передаст вам документы – вы получите назначение на должность. Через час отправитесь на четвертую укрепленную базу Борграда, где примете командование над первым полком третьей армии СССР. Для передачи распоряжения генералу Лещинскому вы остановитесь на первой укрепленной базе Ясного, где встретитесь с генералом Ручьинским. Вам будут переданы подробные указания, точный маршрут следования.

– Так точно. Приказ понял. Будет исполнено.

Яров резко поднялся, забрал оружие, вышел. Я проводил его мысленным взглядом. Ни про одного человека нельзя с уверенностью утверждать, что он не способен убить, солгать, изменить. Но такой человек, как Яров, изменником способен стать только повинувшись высшим принципам. Устойчивые принципы Ярова мне известны. Изменить убеждения он способен только при крайне серьезных обстоятельствах. Это произойдет на рассвете. Но до рассвета – он исполнит приказ.

Зашел вызванный мной “защитник”.

– Передай мой прямой приказ генералу Лещинскому. С рассветом первый полк третьей армии под командованием полковника Ярова должен быть в укреплении Вэй-Чжен.

– Так точно.

– Вызови Беркутова. Безотлагательно.

Запись №2

03. 01. 1001 год Эры Порядка 06:05

Беркутов прервал доклад, когда вошел его адъютант. Полковник Горный выдержал гнетущий ожиданием взгляд командира, передал ему только что полученные отчетные данные разведчика СГБ, посланного в Вэй-Чжен, вышел. Я проводил его мысленным взглядом до разомкнувшихся перед ним полос контроля у дверей. Я задержал на нем мысли, но был вынужден отпустить его. Для него еще будет время.

Беркутов, тщательно скрывая раздражение напускным спокойствием, загрузил, открыл данные, дополняющие его доклад, стараясь смотреть только в мониторы. Но он знает, что вместе с глазами ему не скрыть от меня не одной тени ни одной мысли. Ему известно, что теперь мы знаем друг о друге больше, чем можем позволить друг другу знать. Это значит, что я не увижу сегодня заход солнца, если он увидит сегодня его восход.

Я направил взгляд в его глаза – теперь я не отпущу его. Он проницателен. Он первый заметил, что глаза мои стали только видимостью зрения, что смотрю я теперь иначе. Мне известно, что я утратил перед ним видимость зрения, incapable теперь точно управлять взглядом. Теперь Беркутов уверен, что глаза мои незрячи. Но он знает, что мне зримо все – не только то, что ему.

Я смотрю, как судорожно бьется его сердце, сокращая частоту ударов. Я держу его сердце взглядом, как рукой. Главнокомандующий СГБ уверен, что перед ним бессмертный человек в терминальной стадии жизни, который отчасти перестает быть живым, отчасти становясь мертвым. Он еще не знает, что перед ним не прекращающий жизнь, не продолжающий смерть человек. Перед ним – только будущее бессмертных, отдаленных от смерти отдаленностью жизни. Только развитие, подобное деградации.

Среди пустоты этого просторного зала мы одни. Нет, он один, а с ним что-то еще, что было

мною. Что это, мне еще точно не известно. Но я начал расчет. Точный расчет будущего. Я знаю, что мое время не будет окончено сегодня, продленное сокращением времени генерала Беркутова, главы Центрального управления СГБ.

Беркутов закончил доклад, свернув мониторы, оборвав сигнал, ожидая распоряжений.

– Удара с воздуха я не допущу. Город нужен мне сохранным. На его территориях следует искать одно из хранилищ памяти Хакая. Нам необходимо обнаружить, а не уничтожить его память. Только таким образом мы получим данные, требующиеся для окончательного уничтожения Хакая. Мы узнаем, кто такой или что такое – воскрешенный Хакай.

– Согласен с вами, Снегов.

– К вечеру мятеж будет подавлен, Вэй-Чжен – взят силами армии. К этому сроку военная техника должна быть выведена с территорий укрепления, а Вэй-Чжен – блокирован силами СГБ. Территории укрепления должны быть зачищены огнем в пределах оцепления. Операция разработана мною. Контроль над операцией поручен вам.

Беркутов выдержал паузу. Он понял, что гарнизон укрепления, что посланные для усмирения восстаний полки третьей армии РСФСР, оцепленные огнем, останутся под оцеплением СГБ. Это жесткая блокада – мглой, огнем, голодом. Он думает, что я слепо смотрю ему в глаза, но я – смотрю прямо в его мысли.

– Беркутов, все подступы к укреплению должны быть перекрыты к вечеру. Ни один офицер, ни один боец, находящийся в пределах территорий укрепленной базы или пересекший их границы, не должен быть пропущен через оцепление. Никто. Ни один разведчик СГБ или армии РСФСР, DIS или армии AVRГ. Никто не перейдет границ укрепленной базы. Никто из отрядов Хакая не получит доступа к системным данным.

Беркутов с твердо отнесенной тревогой в мыслях развернул мониторы, но тревогу он скрыл только от глаз себе подобных.

– Генерал Вайльдер будет требовать отчет гибели разведчиков DIS.

Его сердце в моей руке сжалось злобой, я стиснул руку, под которой бьется его пульс, крепче.

– Отчет ему будет предоставлен мною.

– По последним данным DIS, проверенным СГБ, повышение уровня контроля безопасности по девятому коду результативно. Шпионы с открытой Хакаю памятью опознаны и уничтожены. Мы готовы ввести девятый код для проверки боевых подразделений, находящихся в зоне действий отрядов Хакая.

– Они до сих пор среди нас, потому что они подобны нам.

– Снегов, мы не можем продолжать действовать в избранном вами направлении, уничтожая наших офицеров и бойцов, оказавшихся в зоне действий отрядов мятежников.

– До тех пор, пока все бойцы Хакая не будут истреблены, пока истинный Хакай не будет убит, мы будем уничтожать всех, кто был в зоне действий его отрядов. Иначе мы не сохраним секретности – главного оружия системы. Только потеряем время, безрезультатно поднимая уровень контроля безопасности до высших ступеней, опасных для системы.

Беркутов остановил в пустоте тяжелый взгляд. Он пронизателен. Он знает, что я теперь способен видеть больше всех систем контроля, смотря взглядом, недоступным ни людям, ни технике трех систем. Но он знает, что такой взгляд не дан ни людям, ни технике в целях безопасности трех систем. Я жду, когда он решится.

– Для системы опасны вы, Снегов.

– Для системы опасна наша война.

– Вы истребляете наши войска.

– Это необходимо для достижения цели без потери времени, которое в этой войне выступает не только как наш сильнейший союзник, но как наш опаснейший враг. Иначе – действия Хакая будут пресечены с худшим уроном системе, времени системы.

– Сегодня вы сложите полномочия и передадите власть по требованию Совета РСФСР.

– Совет не объявит “недоверия” с требованием передачи власти. Мне некому передать власть, Беркутов.

Он резко поднял голову, стараясь всмотреться в мое лицо.

– Светлов погиб – вернее – убит. Но еще жив я, жив еще Ручьинский.
 – Никто не способен принять из моих рук эту власть, никто не примет из моих рук эту войну.
 – Не рассчитывайте на поддержку командующих AVRГ.
 – Союзные армии примут мою власть, Беркутов.
 – Вайльдер передал Роттеру последние данные DIS о ваших изменениях.
 – У Вайльдера нет данных – их нет у DIS, их нет у СГБ. Никто не знает, что со мной происходит.

– Это правда, никто не знает точно, что с вами стало: кто или что вы теперь. Но мы знаем, что произошли изменения в вашем коде – в его строении. Этому есть неоспоримое свидетельство – ваш код.

– Строение кода не имеет значения. Значимы только, хранимые кодом, данные задачи.

– Вы не человек – вы только подобие человека! Вы не должны управлять системой! Мы обязаны этого не допустить! И не допустим! Вы – не человек и не имеете права верховной власти!

– Этого точно никто не знает. Мои целевые установки соответствуют установкам офицера S12, человека.

– Но вы – не человек!

– Я единственный, кто способен справиться с данной мне властью, единственный, кто способен удержать данную мне власть.

– Вы не сможете уничтожить всех!

– Я уничтожу всех, когда этого потребует сохранение системы. Идите, Беркутов. Исполняйте приказ.

– Я не исполню этот приказ! Вы захватчик, Снегов!

– Вы изменник. Вы – враг государства, Беркутов.

– Я присягал человеку! А вы чудовище! Чудовище, которое человек обязан ненавидеть!

– Ненависть не значима. Значимо подчинение. Страх убивает ненависть, он убивает все, Беркутов. Человек старается получить власть над пугающим его объектом, но человек, не способный познать его, уничтожить его, подчиняется ему, подчиняясь страху перед ним.

– Вы считаете себя богом?!

– Обозначение единовластного правителя не значимо.

Я вижу, как Беркутов берет за оружие еще в проекции планируемого действия. Я останавливаю его руку у кобуры, пристегнутой к поясной портупее, пресекая приказ, отданный его разумом его руке, моим разумом, моей волей. Горячая кровь отступает от его рук, оставляя в сжатых борьбой сосудах только холод пустоты. Он противостоит упорно, но силы покидают его с неровной частой пульсацией не справляющегося с борьбой сердца. Его горящий перепадами излучений разум угасает, искрящие разрядами нервы затухают. Он больше не старается ни нападать, ни защищаться. Он с ненавистью ждет, уверенный в правоте этой ненависти. Обездвиженный моей волей, он остается стоять с оружием в руке, когда приходят со срочными донесениями, уходят со срочными распоряжениями “защитники”.

– Вам не уничтожить меня, Беркутов. Ни одному человеку не уничтожить меня теперь. Следуйте за мной.

Запись №3

03. 01. 1001 год Эры Порядка 07:00

В пустом светлом зале главного корпуса Центрального управления СГБ, глубоко под землей, установлен вертикально холодный саркофаг. Только отраженный свет дает мне видеть главнокомандующего восточных армий РСФСР. Генерал Светлов устремил неподвижный невидящий взгляд в мои слепые глаза.

“Защитник” подошел к закрытой платформе, переключая поля для вертикальной установки. Он отключил затемнитель. Теперь в замерзшем сне перед нами предстал Ручьинский.

Беркутов поднял тяжелый взгляд к пересохшим в смерти глазам Ручьинского. Я еще вижу

последние тени жизни, замкнутые в его нервах. Ручьинский молчит, его мысленный фон тих, излучения угасли. Но его разум еще сохранил обрывки связей памяти. По ним еще проходит пущенный моим разумом сигнал, излучение моего зрения, приносящее с отражениями данные его памяти. Теперь мой разум позволяет мне видеть не только излученные мысленные фоны памяти в работе, но жесткую память.

Я смотрю вдаль светлых коридоров, слышу ровные шаги “защитников”. Эти отображения, звуки ясны мне, но только обобщенно. Эти частоты давно зримы мне в другом виде. Я не помню другого зрения.

Я понимаю, что луч ожег его нервы болью, но не помню, что такое боль. Теперь мне известен только сигнал о повреждении, как “защитнику”, как машине. Но боль – другое, было другим. Боль имела другое значение. Она заняла все его сознание, отступив только перед последней мыслью о смерти. Сигнал о повреждении не имеет такого значения, он не занимает всего сознания. Теперь я знаю, что такое боль. Не ощущаю, не помню, но знаю.

Я оставил умерший разум Ручьинского, оставил Беркутова стоять перед ним с оружием, зажатым в скованной холодом руке.

– Поставьте меня между ними, Снегов.

Я вышел. Тяжелые створы дверей сошлись за моей спиной, запирая Беркутова в тишине. Он думает о смерти, как думал Ручьинский. Я не понимаю значения этих мыслей. Ручьинский мог отдать это время мыслям о смерти убийцы, он мог убить Ярова. Он мог убить Ярова, призвать “защитников”. Он мог вернуть, сохранить жизнь. Мог сообщить Беркутову. Мог свергнуть мою власть, мог убить меня. Нет, он не мог. Он человек. Слабый человек, который не способен преодолеть смерть без “защитников”, без силы подчиненных его воле “защитников”. Человек, способный подчинить высшие силы, – не слаб, но человек не способен подчинить высшие силы. Я подобен “защитнику”. Мой разум офицера S12 подчинен цели человека, но не подчинен человеку. Я должен исполнить задачу, как “защитник”. Я исполню задачу. Человек дал мне код воли к власти, я должен править человеком.

“Защитник” следует за мной во тьме, смененной ярким светом.

– Составь официальное заявление о смерти генерала Беркутова. Объяви траур. Отдай распоряжение подключить к жизни генерала Взорова. Подключи его к линии связи сразу после пробуждения. Приготовь Взорову назначение, он примет командование СГБ СССР через час. Призови транспорт, задай прямой маршрут Ясный-Ивартэн. Запроси прямую линию связи с генералом Роттером. Подключи к линии ожидания генерала Вайльдера. Полковника Горного – ко мне сейчас.

Запись №4

03. 01. 1001 год Эры Порядка 09:05

Роттер устал, как устает все, что не чуждо жизни. Он думает долго. Ему нужны мои армии, но не сильнее его армий. Этот выбор сложен для него. Сейчас я прошу его о поддержке, скоро он будет просить меня о пощаде. Но его положение осложнено – не оказать мне необходимую помощь, не потеряв Вэй-Чжен, он не может. Потеряв это укрепление, он потеряет Небесный. Вернув Небесный, Хакай возьмет все

– Я дам вам ответ через сутки, Снегов

– Без вашего содействия через сутки я буду устранен. Ответ нужен сейчас.

Он устремил взгляд к пустым мониторам. Все силы разведки армии, разведки службы безопасности брошены им на поиски Хакая, призрачного “дракона”. Он внушает разведчикам Вайльдера неподдельный страх. Трижды сожженный карателями DIS, он возвращался неизменным. Теперь Вайльдер ищет хранилище памяти Хакая в зоне явлений бессмертного “дракона”. Как

только Вайльдер обнаружит память мятежника, Роттер предоставит меня воле Совета СССР. Он укрепит оккупационный режим, оттеснит мои, обреченные смутой, армии с поделенных территорий, объявит войну моему ослабшему государству. Тогда Вайльдер будет править моей страной, моими офицерами, моей техникой. Недопустимо. Вайльдеру эта власть непосильна.

Роттер коротко посмотрел мне в лицо, отвел взгляд. Я регистрирую колебания его давления, сердцебиения, дыхания. Его лицо, бледнея, каменеет. Сосуды трескаются, наполняя кровью глаза. Он не знает, кто такой Хакай, он не знает, что я такое. Но он должен решить, должен выбрать силу, которой доверит будущее войны, будущее трех систем. Он осознает бесспорную мощь моего правления, осознает спорность поисков истинного Хакая. Но он знает, что я делаю сейчас, что я сделаю после. Он понимает, что скоро он один должен будет сдерживать мою власть, что это будет тяжелой борьбой, забирающий у него последние силы. Только без меня он потерпит поражение в этой войне с Хакаем, где поражение равно смерти. В этой войне трех систем, одной – суждено быть стертой полным поработанием или полным уничтожением. Обоим победителям предстоит еще один бой. Роттер знает, что его врагом в следующей войне буду я, но он даст согласие, он сохранит мою власть сейчас. Иначе общего врага не одолеть ни мне, ни ему.

– Вы обещали мне последнее убеждение, Снегов.

Я согласно склонил голову, призывая полковника Горного. Адьютант Беркутова встал в дверях, ожидая решений, распоряжений. Он не знает, что произошло с ним, что мы обсуждаем. Он не подключен к линиям мысленной связи. Я открыл Роттеру досье Горного.

– Горный – офицер S9, полковник СГБ, отмеченный Беркутовым. Он – шпион Хакая.

Уперев пристальный взгляд в стол, Роттер сжал кулаки.

– Каким образом вы получили эту информацию, Снегов? Он был пропущен полосами контроля.

– Системы опознания не работают. Его разум точно восстановлен после смерти бойцами Хакая. Трудно заметить, что его память открыта Хакаю.

– Но этот офицер ни разу не был подвержен обратимой смерти за границами территорий СССР.

– В последний раз он был подвержен обратимой смерти у границ четвертого укрепления Борграда, граничащего с территориями укрепления Вэй-Чжен. В действительности – его смерть была необратимой. Этот офицер подделан бойцами Хакая.

– Он обнаружен в результате проверки по полному совпадению личных данных с системным личным блоком?

– Его проверили. Но прежде – я “увидел” его в штабе.

– Увидели, Снегов?

Роттер не поднял сосредоточенного, опущенного к сжатым кулакам, взгляда в визуальной проекции, но я различил тень этого действия в проекции общих излучений.

– Теперь я “вижу” четче, чем прежде.

– Мне было доложено, что вы способны видеть фоны с точностью техники, различая невидимые нам лучи.

– Вайльдер дал вам точные сведения.

– Он считает, что вы способны прочесть закрытые излученные мысли, память в процессе работы.

– Частично. Не все фоновые сигналы открыты мне, коды сложны.

– Вы способны прочесть жесткую память без помощи техники?

– Частично.

– Вы способны осветить память. Теперь я вижу, что ваш разум испускает мощное излучение. Оно подчинено вам?

– Подчинено.

Роттер распался у меня перед взором по всему видимому, по всему невидимому спектру. Я вижу другие проекции, но мне не ясно их значение. Я отделяю зоны испускаемого инфракрасного излучения от отраженных ультрафиолетовых лучей. Отделяю поле периферической нервной системы от поля центральной. Но коды высокочастотных излучений проходят с высокой частотой, теряясь во времени. Отображение пропадает, проекции, расщепляясь, исчезают.

– Снегов, что с вами?

– Излучения.

– Что с вами? Вам дурно? Я не могу декодировать часть вашей передачи, Снегов.

Роттер поднялся из-за стола. Частота его передачи растет. Мне нужно успокоить его.

– Снегов, что значат эти формулы? Распределение сил? Я не понимаю вашей передачи. “Защитники” здесь, они декодируют.

Я поднял руку, пресекая его действия. Поднялся из-за стола. Горный еще ждет у дверей, он смотрит мне в спину с неисчислимых расслоенных проекций, меняя лица. Я стою один в лучшемся всем спектром коридоре. Подношу заряженный шприц к браслету.

– Что вы колете, Снегов?

Роттер застыл у меня за спиной с требовательно протянутой ко мне рукой. Я вложил пустой шприц в его открытую ладонь.

– Вы травитесь тяжелыми металлами?

Вайльдер, все время находящийся в зоне мысленного восприятия, вошел в зону визуального восприятия.

– Эти элементы давно необходимы ему. Смотрите.

Вайльдер отключил световые панели, теперь в темном коридоре его бледное лицо освещено только мной. Роттер молча сложил на груди руки, опустил голову, по его фону прошел неясный мне сигнал.

– Вы давно излучаете видимый спектр, Снегов?

– Прежде этого не было.

– Что с вами произошло?

– Это кодовые перестройки. Это высшая ступень. Это конец.

– Я понял, Снегов.

– Да или нет?

– Да, Снегов. Вы можете рассчитывать на наши армии.

– Теперь я должен идти.

– Нам предстоит определить ступень повышения контроля безопасности.

– Не сейчас. Я передам вам Горного с его личным блоком. Я должен быть в Ясном. Сейчас.

Запись №5

04. 01. 1001 год Эры Порядка 06:00

Ясный затих перед рассветом. Зал пуст. Через час будет созван в срочном порядке Совет. Но сейчас я здесь один. Я закрыл глаза, которые привык держать открытыми, несмотря на то, что они слепы. Это похоже на сон, на память о сне. Мой разум переключен на другой режим работы, окружающее блекнет, тускнеет в сознании. Но от этой темноты, обступающей меня, исходит поток частиц. Нет, я здесь не один. Приглушенный свет отражен подобием лица. Это израненное лицо знакомо мне, только я не вижу глаз, в мой разум вперились пустые глазницы. Я открыл глаза, но ничего не увидел. Ясный замер сном в предрассветной тиши.

Но он здесь – Яров. Он здесь, в Ясном. Он, погибший в Вэй-Чжен, в укреплении, все подступы к которому перекрыты отрядами штурмовиков СГБ, перекрыты Взоровым по моему приказу. Я развернул проекцию Вэй-Чжен. Укрепление погребено мраком, тишиной. Догорают, дымятся иссушенные огнем травы под черным снегом, взошедшим тяжелыми тучами к шпилям башен. Под пеплом, устлавшим территории крепости, едва различимы очертания убитых в бою солдат, обглоданных огнем зверей, обугленных крыс. Взоров исполнил приказ точно. Теперь приказ исполняют тьма, холод, голод, опустошение. В Вэй-Чжен нет жизни, не будет тени жизни. Но он здесь. Я вышел из-за стола, призывая “защитника”.

– Транспорт. Сейчас.

Я лечу над Ясным. Восток обогрен восходящим солнцем, затмевающим зарево над крепостью

Вэй-Чжен. Солнце топит в крови черные столбы дыма пожара, гася всполохи боя покоем смерти. Оно озаряет белые здания Ясного, стекая по ним, как кровь жертвы, брызнувшая в лицо убийцы. Оно восходит, заливая мои холодные руки красными лучами, заливая мои холодные руки остывающей кровью.

В тишине над Ясным нет ничего. Чередой сменяются чужие лица, вычерченные отраженным светом, чередой сменяются чужие мысли. Его нет. Теперь я не уверен, что он был, что он не явлен одной моей памятью.

Память. Она почти стерта. Последние обрывки встают передо мной с четкостью яви, исчезая безвозвратно. Это видение – только подобие сна, отображающего подобие яви. Оно исчезло с разрушенным кодом, со стертой памятью. Но я буду искать его. Я знаю, что Яров придет ко мне, если он – не мой сон. Он придет убить меня, если он жив. Он отомстит мне с бесстрашием, с которым служил.

Запись №6

04. 01. 1001 год Эры Порядка 11:00

Я покинул зал, оставляя за его запертыми дверями их немую ненависть, их страх. Ненависть, страх. Эти обозначения я обязан помнить отчетливее других. Их мне забыть не позволят. Теперь меня окружает забитое злое молчание. Я утвердил власть, но удержать ее будет труднее. Сейчас еще действуют силы инерции, но скоро мне будет нужно применить силу для преодоления сопротивления.

Информация. Молчаливый страх моих офицеров отнимет у меня объективные данные. Я способен видеть память, мысли людей, но не способен понять их, как люди. “Защитники”. Они подчинены мне, но они чужды человеку, как я. У меня будут все данные всей техники системы, но не будет никаких данных никаких людей. Не приемлемо. Мне нужен человек. Офицер, который будет видеть людей, как я, определять, как “защитник”, понимать, как человек. Офицер, который будет подчинен мне, но не лишен воли передо мной. Он будет у власти, но в тени. Он будет смотреть в свет из тьмы, невидимый, но всевидящий. Человек, созданный не человеком. Я видел его модель, его корпус в проекте, когда искал готового к запуску офицера S12. Тишинский. Я потерял тень, облаченный светом. Тишинский станет моей “тенью”. Его нейропрограммы будут прописаны мной под контролем Центрального Разума СССР. К его телу, к его программе будут допущены одни “защитники”. Сейчас никто не бросит тень на мою озаренную светом власть, но скоро моя власть бросит тень на всех. Я буду править только в свете, но во мраке будет править моя “тень”. Не друг – не враг. Только “тень”.

Я остановился в темном коридоре, сжав цепенеющие холодом руки в кулаки. Он здесь. Теперь он всегда виден мне, издали. Но сейчас он рядом. Мне в спину смотрят пустые глазницы, кривится злобой изувеченное грубыми рубцами лицо. Я стараюсь рассмотреть его, но он не четок. Здесь темно, мне виден только его общий фон, искаженный мучением.

- Вы мертвы, Яров. Вы только проекция, данная мне отмирающей памятью.
- Зачем тогда вы обращаетесь ко мне?
- Я не уверен. Вы погибли в Вэй-Чжен по данным СГБ.
- Теперь вы не верите и СГБ?
- Единовластный правитель один. Он не имеет права верить ни одному.
- Если вы не имеете права верить никому, то никто не имеет права верить вам.
- Я не верю никому, но мне верят все.
- Не я.
- Вы верите, Яров.
- Не теперь.

Я обернулся к нему, наводя на него глаза по его мысленному сигналу. Теперь с его пустыми глазницами, мне в глаза смотрит дуло тяжелого боевого излучателя. Я сдержал его разум, его руку

моей волей – он не спустил луч, но не опустил оружие.

– Вы окончательно утратили человеческий облик в видимой мне проекции, Яров.

– Вы утратили вид человека во всех проекциях, Снегов.

– Вас искажает ваша боль, ваш гнев.

– Искажает... Сжигает, Снегов. И сожжет. Вместе с вами.

– Я должен был убрать вас, Яров. Сделать это незаметно для всех, кто заметил смерть порученного вам Ручьинского.

– Вы хоть теперь честны со мной. Или вы просто не способны теперь к честности и к бесчестию? Не помните, что это?

– Нет, не помню. Только общее обозначение. Есть только цель.

– Молчите. Не то я...

– Бессмысленно ненавидеть меня, Яров, как бессмысленно ненавидеть штиль или шторм, дающий одно, отбирающий другое.

– Холодный разум машины не сравним со стихией!

– Это силы, действующие вне жизни, вне смерти.

– У стихии нет воли!

– Воля – только обозначение части программы действий. Это все только программы, сложные или простые.

– Вы не понимаете! У вас в голове лишь схемы и коды! Вы не понимаете! Вы слабее крысы, Снегов!

– Но я сильнее всех людей.

– Вы правы, мы слабы – мы не смогли уничтожить вас раньше! Уничтожить! Ведь вас нельзя убить! Только разрушить! Как машину, как крепость!

– Разрушив меня, вы убьете себя, всех. Время людей подходит к концу. Сдержать его способен только я, только моя сила, моя власть.

– Ваша власть – тяжкий гнет!

– Власть тяжела при единовластии. Но дает власть всегда ровно столько, сколько берет.

– Единовластие – хищное чудовище!

– Только оно способно объединить все силы одной.

– Страхом!

– Один страх перед высшей силой заставляет низшие – объединяться.

– Страх заставляет объединяться в борьбе против него!

– Страх передо мной станет опорой моей власти. Он не оставит никому способности стать моим врагом. Страх передо мной возвысит меня. Он не оставит никому решимости счесть меня врагом. Тогда все силы подчинятся мне. Тогда я направлю всю мощь против врага, которого сейчас вижу я один, которого другие увидят только позже.

– Мы отдаем жизни за систему, за будущее людей сейчас! Мы должны видеть перед глазами систему, которой служим, людей, за которых гибнем! Мы должны видеть перед глазами врага! Сейчас!

– Скоро вы увидите.

– Но сейчас я не вижу ничего, кроме хищного чудовища, которому нельзя верить наши жизни! Вы с вашей властью – наш враг! А другого нет!

– Он будет, Яров.

– Он будет вашим созданием!

– Будет созданием времени, подходящего к концу. Тогда я стану единственной опорой системы. Только я проведу систему во времени до его окончания, Яров.

– Вы считаете себя подобием той силы, что древние называли – богом?!

– Обозначение сил не имеет значения. Значимо объединение для противостояния.

– Вы что, и человеческий язык забыли?!

– Я помню речевые коды трех систем.

– Вы светитесь, Снегов!

– Свет скроет мое свечение. Теперь я не ступлю во тьму.

– Теперь вы не способны скрыться даже под человеческой маской!

– Теперь мне не нужна маска человека, теперь человек подчинен мне не по своей воле, а по воле моей. Опустите оружие. Вы не способны убить меня.

Яров поднял голову, разбивая оковы моей власти, отсекая путы моей воли, высвобождая руку.

– Я обязан уничтожить вас.

– По моему расчету вы не способны причинить мне ущерб.

– Опущу оружие?! Подчинюсь?! По расчету?!

– Расчет точен.

Яров спустил луч. Я всмотрелся в его разум, но не разобрал ничего отдельного, четкого, среди его высокочастотных мыслей. Высоко поднятые пики застыли в общем подъеме. Это похоже на смерть, на мысли перед смертью. Он отбросил оружие в сторону, устало припав к стене. Я стою перед ним.

– Вы защищены полем...

– Это поле только отсвет моей защиты. Я защищен временем, точным расчетом, расчетом будущего.

– Будущее не точно. Его еще нет, как уже нет прошлого – оно виртуально.

– Мой расчет точен, я вижу неизменное будущее.

– Знаете, что будет, будто это было?

– Знаю.

– И далеко вы зашли?

– Нет. Но я иду дальше.

– Вам теперь открыто время?

– Теперь мне открыты одиннадцать измерений.

– Вы с вашим расчетом теперь находитесь одновременно во всех измерениях?

– Расчетное пространство, время равны реальному.

– Только в расчете. Но вам этого теперь не понять... Теперь вы стали таким, как он – бог. Теперь вы что-то, что когда-то звалось – богом.

– Человек, не способный властвовать, нуждался во властителе. Он создал бога. Создал его с мыслями, что его создал бог. Но со временем человек стал способен к правлению. Он сверг бога. Человек со временем стал богом. Я первый.

– И последний. Богов быть не должно. Богам всегда сопутствуют дьяволы.

– Богам всегда сопутствует знание распределения сил, составляющих единовластие.

– И где ваш злой дух, Снегов?

– Не злой дух. Тишинский – моя “тень”.

– Да, точно. Ведь вы больше не разделяете добра и зла. А тени у вас и правда больше нет. Ведь вы – светитесь! Вы светитесь, Снегов!

– Что это? Вы смеетесь?

– Смеюсь! Смотрите, как я смеюсь! И запомните, что излучения и колебания этой частоты – это смех, которого вы не помните! Я смеюсь над вами, над собой! Я не способен даже оскорбить вас! А вы не способны даже оскорбиться! Я подобен языку пламени, говорящему со стылым ветром! Вас больше нет в живых, Снегов! Как нет и меня! Но я сгорю не раньше, чем вы замерзнете! И я приду к вам! Приду убить вас! Хоть вас и нельзя убить! Только – уничтожить!

– Вы не уйдете, Яров.

Я подключился к его нервам, к его пульсу, сжав в кулак его сокращенное сердце. В моей руке оно твердо, скоро оно будет подобно камню. Но оно горит. Оно горит, обжигает мою руку. Он причиняет вред моему разуму. Его мысли горят. Мне не ясно, что он делает. Я стараюсь определить. Пресекаю контакт, который не смог прекратить он, отпускаю его. Яров уходит. Тишинский – он нужен мне сейчас.

Запись №7

04. 01. 1001 год Эры Порядка 19:00

Тишинский открыл глаза, всмотрелся в мое лицо, в мои мысли яснее разумом. “Защитник” отключил его от вертикально установленной платформы, облачил его в форму генерала СГБ, как только он сошел с платформы. Он молчит, впервые видя жизнь, впервые смотря в лицо смерти, впервые смотря в глаза моей власти.

– Тишинский, ищите Ярова. Найдите его.

Его сознание подключается к моему. Теперь эту связь не разорвать никому, ничему. Но он пробует силу, стараясь отстранить меня. Он всегда будет искать мою слабость, мне всегда придется противостоять ему. Но только он, без страха передо мной, способен будет показать мне истину. Он станет моим зеркалом, в котором я увижу мое истинное лицо, он станет моим стеклом, через которое я увижу чужие лица.

– Все данные моей памяти утверждают, что он мертв, Снегов.

– Данные вашей памяти – данные СГБ.

– У вас есть другие?

– Возьмите мою память, Тишинский.

– Вы видели его. Он здесь.

– Не известно. Теперь я вижу проекции распадающейся памяти.

– Проекция вашего разума были бы записаны в мысленном отчете вашим кодом от вашего имени. Это не проекция вашего разума – это посторонний объект.

– Возможно, что моя отмирающая память точно сохраняет коды, частоты чужих мыслей, точно проецируя их. Возможно, что мой разум регистрирует коды, частоты моей прежней памяти, как чужие. Ни я, ни мои “защитники” не нашли четких различий при сличении записанного кода с кодом мыслей Ярова. Теперь его должны проверить вы, как человек.

– Не зная предела способностей вашего разума, я не смогу установить подлинность Ярова.

– Пределы моего разума еще не известны, его перестройки еще не завершены. Ищите Ярова, Тишинский, считая, что он жив. Но соблюдайте секретность. Никто не должен знать, что вы ищете его, не зная, жив он или мертв.

Он впервые устремил в мои мысли всевидящий взгляд, жадный, как у зверя, холодный, как у машины.

– Я понял.

– Он знал, что я способен видеть его мысли, его жесткую память. Он скрыл от меня данные.

– Его жесткую память вы просмотрели – все уровни. Хранящие память нейроны не разрушены. Данные сохранены – они только скрыты. Их возможно открыть.

– Он не сохранил ничего, что был намерен утаить.

– Разум фиксирует все, что видит и слышит его носитель.

– Только то, что считает значимым его носитель.

– То, что не доходит до долгосрочной памяти, остается в краткосрочной. Необходимые данные должны были быть сохранены при вашей встрече.

– Я видел в его разуме только участки тьмы, тишины.

– Никто не способен действовать, не сохранив необходимых для действий данных.

– Нужные ему данные были сохранены другими.

– Его контакты должны были остаться в его памяти.

– Я не увидел их. Их не было.

– Ему был открыт прямой проход через объекты, закрытые для него, – его привели и увели высшие офицеры, имеющие прямой доступ к объектам, защищенным высшим контролем.

– Отчетная память моих офицеров, моих объектов не дает никаких данных о Яrove, Тишинский.

– Высшие офицеры способны править отчетную память.

– Их разум чист. Чисты не только их отчеты, но и их фоны. Это видно при тщательном просмотре.

– Дайте мне разрешение открыть жесткую память высших офицеров.

– Нет, Тишинский, я не нарушу запреты, держащие мой порядок.

- Вы способны читать жесткую память, Снегов. Вы прочтете.
 - Я единственный. Я один способен держать эти силы под контролем.
 - Тогда всмотритесь в разум ваших офицеров.
 - Я открываю память только мертвых или умирающих. Только тех, кто казнен мной или ждет казни. Я не позволил Ярову уничтожить меня, только стремясь сохранить систему, порядок под моей властью. Порядок огражден от Хаоса законами, запретами. Порядок всегда ограничен, Тишинский. Я не буду разрушать этих преград. Мое уничтожение равно уничтожению системы, разрушение системы равно моему разрушению. Я должен действовать только в пределах ограничений, ограждающих Порядок от Хаоса. Я есть Порядок, Тишинский.
 - Но Яров перешел границы вашего Порядка, Яров нарушает его. Я должен найти нарушителя.
 - Ищите Ярова здесь, в пределах Порядка, не нарушая его границ. Вы – создание Хаоса, призванное мной из него для борьбы с ним, но вы служите Порядку.
 - Я не могу найти в пределах Порядка человека, которого в них нет.
 - Порядок имеет не одно измерение. Ищите в других.
 - Вы считаете, что его провел Страж?
 - Не он. Его провел Хакай. Это не заговор моих офицеров, это – диверсия Хакая.
 - Яров должен был иметь данные об этом.
 - Данных не было, Тишинский. Он явился из ниоткуда, уйдя в никуда. Такого еще никогда не было. Но никогда не было такого, как вы, Тишинский. Найдите его, будь он жив или мертв. Найдите его, будь он не живой, не мертвый. Найдите. Вы – “тень” единовластия, вам подвластны его призраки. Он, окончательно пробужденный, поднял голову. Его хищный разум разгорелся отраженным в глазах огнем, сдержать который он теперь не сможет, обуздать который теперь смогу только я. Его голод не утолим – ему нужен пепел сожженных. Его жажда не преодолима – ему нужна кровь истерзанных.
 - Я найду его, где бы он ни был. Но мне потребуется больше полномочий, больше людей, больше техники.
 - Вы получите войска третьего управления СГБ.
 - Мне нужны другие люди – другие “тени”.
 - Берите столько готовых к подключению тел с заводов Стальграда, сколько сочтете нужным.
 - Нужны иные люди.
 - Нейропрограммисты Стальграда будут переданы в ваше распоряжение.
 - Коррекции программ разума недостаточно – нужны коррекции первичных программ.
 - Я не позволю вам править ДНК бойцов СГБ, Тишинский.
 - Порядок системы требует больше, чем могут дать люди.
 - Это система людей, Тишинский. Это их Порядок. Он требует только их, людей, ничего больше, ничего иного.
 - Порядок, которым правят нелюди, людей только терпит – до времени.
 - Нелюдь – вы, а я – не человек. Я подчинен целям людей, а вы – мне.
 - Вы – машина, подобная человеку.
 - Поэтому вы – зверь в человеческом обличье. Вам нужна власть оттого, что она дает вам кровь. Вам нужна только кровь, Тишинский. Но ваш разум не способен ограничить вас. Вы потеряете все, все уничтожив. Без меня вас не будет, не будет ничего. Вы – моя тень, Тишинский. Вы скованы со мной. Вы исчезнете бесследно, когда исчезну я. Но когда не будет вас, я – буду.
- Он склонил голову, но огонь его разума не погас.

Запись №8

04. 01. 1001 год Эры Порядка 21:00

Вайльдер пошел вперед, проводя меня в подземелья Центрального управления DIS, напряженно всматриваясь в мысли Тишинского, смотрящего ему в спину. Роттер с “защитниками” ожидает меня у врат блока изолятора. Он приветствует меня нервным жестом, отрывистым наклоном

головы. Он иссушен обреченной усталостью, как изможден тревогой Горный, стоящий перед ним за непреодолимыми преградами полей с покорно опущенной головой. Здесь, рядом с ним, я читаю его мысли, только приглушенные экранами полей, здесь я вижу его, но он не видит меня. Роттер проследил мой остановленный взгляд.

– Снегов, он практически не отличим от Горного. Он близок к совершенству.

– Я знаю. Системы опознания, загруженные в данном режиме контроля, не видят различий.

– Нужно поднять уровень контроля безопасности.

– Подключение техники к задаче высшей ступени контроля безопасности угрожает порядку, системе.

– Мы будем вынуждены сделать это, Снегов.

– Не сейчас.

– Время не терпит, Снегов. Шпионы Хакая такой сложности еще единичны, но мы не опознаем их.

– Не сейчас. Мы еще способны сдержать мятежников Хакая.

– Мы не можем и дальше сдерживать их такими силами, такими средствами, Снегов.

– Выбора нет. Мы должны подойти ближе к памяти Хакая, к его окончательному уничтожению.

– Вы полагаете, что, утвердив высшую задачу технике контроля безопасности, мы открыто блокируем Хакаю доступ к системным данным, вынудив его пойти дальше?

– Да, когда мы будем безошибочно определять его шпионов, он, неспособный дальше засылать, внедрять их, преступит последние запреты, перейдя к бесконтрольным технологиям. Сейчас мы контролируем его.

– Но такими силами, что подрываем обе системы. Ему это и нужно, Снегов.

– Я знаю. Но нам нужно время.

– Но время нужно и ему. У нас нет времени, Снегов. У трех систем больше нет времени.

– Время трех систем подходит к концу. Но я способен сдержать его. Я объединю три системы одной. Объединю одним врагом, одной общей войной, одним временем. Я не позволю Хаосу низвергнуть здания, воздвигнутые Порядком. Хаос будет обращен Порядком.

– Согласен с вами, Снегов. Мы сделаем это – мы обратим хаос разрушений порядком, но разрушительным, подобно хаосу. Мы окончим наше время, подходящее к концу, достойно, Снегов. Но нельзя ждать. Мы разрушаем все и это разрушает нас. Мы угрожаем каменному Стражу, вынуждая его угрожать нам жестоким возмездием.

– Его ультиматум жестко ограничил нас. Но я способен мыслить, вершить в пределах его условий. Страж будет ждать крайнего срока – конца нашего времени, ведомого моей властью. Он пресечет наше время только при переходе нами его границ.

– Вы правы, Снегов. Но время системы отберет время у человека. Мы замкнули время в порочный круг разрушений и пришел срок его разомкнуть. Мы сохраняем систему для человека, но мы разрушаем человека для системы. Мы должны разомкнуть круг. Должны отнять время у системы и отдать его человеку.

– Пресечение времени системы ничего не даст человеку. Человек теперь не способен существовать без системы.

– Способен, Снегов. Не будет уничтожено системой все, что необходимо человеку для существования без этого порядка, он будет существовать без этого порядка.

– Не будет. Без системы у человека нет будущего.

– У человека есть бессмертная жизнь.

– Нет будущего у человечества – нет будущего у человека.

– Есть время, Снегов. Только вам не видно это будущее – вы не помните, что такое жизнь. Вы смотрите с высоты, с отдаления, – вам не виден человек, видна только система. А я вижу будущее человека. И не только его, Снегов.

– Ваша задача – хранить человека, моя – систему. Но как у системы, так у человека нет будущего – только короткое время.

– Да, Снегов. Настало время утвердить Задачу – дать силу и волю врагу, одному для всех нас. Этот враг объединит одной войной, одной властью все державы. Но мы должны решить – передать этот отрезок времени строгой системе или просто человеку.

- Для этого нужно вспомнить начало.
- Вы правы, Снегов. Начало – исток, конец – его исход. Наше начало истекает из войн – из войн исходит наш конец. Вы помните начало этой войны, Снегов?
- Помню.
- Оккупационный режим был установлен четко и жестко. Под насажденным нашим порядком молчанием, мы не различили скрытых непокорных мыслей. Не разглядели тяжелой ненависти, затаенной под видимым нам тихим покоем. Думая, что бунтовщики пробуют только нашу силу, мы жестоко усмиряли их одной грубой силой. Мы не поняли, что они ставят пробы нашему безумию.
- Они приступили к разработкам запретных технологий, они преступили запрет.
- Карательные операции не остановили их. Мы были вынуждены искать разработчиков декодеров памяти среди них, а шпионов, с открытой им памятью, – среди нас. Но мы теряли секретные данные, а с ними – захваченные территории. Теряли силы, энергию, переводя технику на высшие системы контроля безопасности.
- Я помню, Роттер. Нам стало труднее отличать их шпионов от наших офицеров. Мы с трудом определяли – были наши офицеры подвергнуты условной или безусловной смерти.
- Зная о живых все, мы ничего не знали о мертвых. Их брали с границ отключения сигнала жизни и подключения сигнала смерти.
- Брали только мертвых, зная, что при частичном отключении разум сохраняет следы вскрытия памяти, зная, что только мертвый разум не хранит следов. Но следы оставляла смерть и закрепляло время, разрушая память. Бойцы Хакая были вынуждены возвращать мертвым копии прежней памяти, разрушенной смертью со временем, нужным бойцам Хакая для вскрытия жесткой памяти.
- Прежде мы искали шпионов, а не мертвецов, не имеющих никакого понятия, что они – шпионы, не имеющих никаких данных, позволяющих нам понять, что они – посланники Хакая.
- Мы видели, что излученные ими фоны чужды.
- Но они были уже среди нас, когда мы увидели это.
- Мы всегда были способны обнаружить их.
- С задержкой, для которой теперь нет времени. Они среди нас, и они идут дальше. Теперь мы способны держать их под контролем, только жестко блокируя зоны действий отрядов Хакая, или, утвердив задачу высшей ступени контроля безопасности, сделать шаг, который отзовется угрозой страшной подосланных мертвецов с открытой Хакаю памятью. А вы знаете, что никто не способен вернуть мертвого, неотличимого от живого. Ни одной точной копии памяти, разрушенной смертью и возвращенной мертвому, не обмануть истины. Мы будем видеть эти различия, вынудив Хакая оставить мертвых и пойти дальше, преступая тяжкие запреты, применяя бесконтрольные технологии. С этой нашей жесткой борьбой, с целью сохранить жизнь, погибнем мы все. Мы уничтожим все – все мы. Мы с этой войной сокрушим три системы, обречем погибнуть с ними все. Но и с другой войной – мы сокрушим одну, объединенную единым врагом, систему, не щадя никого, не сохраняя ничего, – только разрушая.
- Я знаю.
- Мы должны выбрать – людей. Обязаны сократить время системы, продлить время людей, жизни.
- Систему, предрасположенную к разрушению, создали люди. К разрушению склонны люди. Только порядок системы способен ограничить их. Без него они будут разрушать бесконтрольно и беспредельно, беря остатки сил обрушенных крепостей порядка.
- Нет, крушением системы этому будет положен конец – от бессильных, погребенных войной, крепостей порядка людям взять будет нечего.
- Тогда они не смогут пресечь цепных реакций разрушений, запущенных войной. Планета станет для людей не пригодной.
- Человек способен уберечь жизнь. Человек умеет мыслить в отличие от системы. Человек может не только приспособлять, но и приспособляться. Человек умен и силен – он способен к развитию.
- Скорость развития человека недостаточно высока.
- Но человек оснащен способностью к ускорению развития и расширению возможностей.
- Это учтено расчетом.

- Что это значит, Снегов?
 - Точный расчет будущего.
 - Мы не должны погибнуть, забрав с собой всех и все...
 - Только, что будет требовать расчет.
 - Расчет...
 - Я уничтожу, я сохраню только то, что будет требовать расчет задачи. Я сокращу время системы, я продлю время людей, следуя только расчетным данным. Я сдержу время системы, время людей до конечного срока. До него – я не выпущу из рук ни одной крепости, до него – я не позволю ни одной крепости рухнуть к моим ногам.
 - Я знаю, что победит сильнейший, Снегов. Но сильнее всех и всего – Ничто.
 - Вы думаете о человеке, исполняя вашу задачу, я – о системе, исполняя свою. Вы даете время человеку, я – системе. Расчет уравнивает время.
 - Снегов, вы теряете личность, приобретая расчет... Вы мыслите как “защитник”, Снегов. Вы стали сильным богом и слабым рабом одновременно.
 - Я исполняю задачу.
 - У вас еще есть хоть что-то человеческое?!
 - Цель. Задача.
 - “Защитники” завершают задачу, сжигая разум, когда их расчеты подходят к концу, – когда их расчеты указывают, что их действия не имеют значения, что достигаемая ими цель обречена с ними или без них. А вы знаете, что системе не выстоять, что человечество обречено. Тогда вы должны завершить задачу прямо сейчас, Снегов...
 - Я знаю об этом только обобщенно. Я завершу задачу, когда будущее системы будет точно рассчитано мной, когда мне будут открыты точные данные, когда расчет укажет, что система обречена, что мои действия не имеют значения.
 - Снегов, вспомните, что вы были человеком.
 - Я помню, что был, но не помню, что это значило, Роттер.
 - Сохраните человека, Снегов, сохраните жизнь.
 - Я исполню задачу с предельной точностью.
 - Пришло время утвердить Задачу, Снегов.
 - Согласен.
- Роттер сжал пересохшие губы, изошедшие кровотокающими трещинами, опустил покрасневшие глаза к полу, стараясь скрыть от меня то, что открыто мне.
- Власть – это тяжкое бремя, Снегов...
- Я прошел мыслями по его фону, но не различил сигнала пояснения.
- Мне не ясно ваше определение, дайте пояснение.
 - Нет, Снегов...
 - Вы не способны действовать в пределах задачи?
 - Да, бремя власти непосильно мне, Снегов...
 - Вы завершаете задачу?
 - Я завершаю задачу... завершаю жизнь... Перед моими глазами конец... конец, ведущий следом начало... Я в отчаянии, Снегов, но я еще надеюсь... Я еще надеюсь, что вы справитесь с этой сокрушительной властью... Кончилось время горящего хаоса, началось время стуженого порядка... Теперь только ваш холодный разум, Снегов, способен править войной. Я передаю вам власть, Снегов.
- Я подал Роттеру руку, ставшую осколком окаменелого холода. Он, мрачней, ответил мне, но я смог только увидеть его руку, сцепленную на моей.
- Вы достойный правитель, Роттер, вы сделали достойный выбор.
 - Мы стали теми, кого древние звали богами, – правителями и рабами людей... А принцип верховной власти над порядком был известен веками... Верховному богу нужен злой дух, объединяющий свет и тьму высшей власти. Верховному богу нужен бог-враг и бог-друг, гибнущий в борьбе с врагом высшей власти и губящий его. Я погибну. И погибнет Хакай.
 - Я знаю, Роттер.

- Теперь вы должны покинуть Ивартэн.
- Верните мне Горного.
- Офицера Хакая?
- Теперь все люди мои. Теперь время мое.
- Теперь время ваше... ваше и *их*, Снегов.
- Теперь только я и *они* способны покончить с беспредельными разрушениями без потери контроля. Только я и *они* способны сохранить, уничтожить пространство, дать, забрать время, равное точному расчету необходимости.
- Я спокоен, Снегов, оставляя вам с *ними* все, что мы с Хакаем старались сохранить, только уничтожая. Но теперь вы должны покинуть Ивартэн. Страж ждет вас... Страж... Не живой и не мертвый, как вы...

Коридоры Центрального штаба Ивартэна озарены светом. Незримый Страж идет впереди. Он скрыт защитными полями, являющими его облик только заданным объектам в заданное время. Испускаемые, отражаемые им излучения не доступны моему разуму здесь, сейчас. Страж идет в пограничной зоне пространств, времен – в Пустоте одиннадцатого измерения. Здесь, сейчас его переход перекрыт для меня щитом. Мне зримо только искажение пространства, времени, пронизанных Пустотой. Тишинский, тенью следующий за мной, не видит каменного воина никогда, нигде, но знает, что чужой следует за мной неотступно, как он, – всегда, везде.

Запись №9

04. 01. 1001 год Эры Порядка 23:55

Тишинский вновь просмотрел мою память, хранящую память Ярова. Он поднял на меня горящий холодом взгляд, сопровождаемый излучаемым потоком уверенности.

- Снегов, мои разведчики обыскали выжженные территории Вэй-Чжен, мои следователи проверили отчетную память всех бойцов оцепления крепости, мои аналитики разобрали все данные их памяти – никаких следов Ярова не найдено, никаких данных о нем нет. Его нет, Снегов, – он мертв.
- Вы не нашли его тело.
- Вэй-Чжен был предан огню – Яров сгорел с этим укреплением.
- До тех пор, пока вы не найдете его тело, я буду считать, что он пропал, скрылся.
- Офицеры не исчезают бесследно, Снегов. Но Ярова не видел ни один объект, ни один человек.
- Я его видел.
- Моими “теньями” проверены все линии связи, задействованные в этом временном отрезке, – никаких следов не обнаружено. У меня нет точных данных закрытых мыслей и закрытой мысленной связи – их я могу получить только с вашего согласия на вскрытие жесткой памяти. Но излученные фоны проверены – они не показали никаких расхождений с системными стандартами. У Ярова нет пособников в пределах системы.
- Его пособник – Хакай. Он провел через границы Порядка Ярова.
- Хакай – носитель чужих кодов – ему перекрыты все доступы к объектам системы. А открыть дорогу “дракону” тайно не способен ни один высший офицер. Действовать в системе Хакай способен только через воскрешенных бойцов системы – мертвых, поддельных, не знающих, что они – доносчики с открытой врагу памятью.
- Коды Ярова – коды РССР.
- Ярову перекрыты все пути – он объявлен врагом системы. Ни один офицер не открыл ему дороги высшим приказом. Ни один не способен сохранить тайну пред “теньями” системы, не оставив следов, видимых моим “теньям” и мне – вашей “тени”.
- Его не пропустили – он прошел. Объекты не задержали его оттого, что не видели. А не видели они его оттого, что не искали его, не прошедшего через их запертые двери, а явленного среди их открытых дорог.
- Тишинский ожег себя холодом.

– Хакай – мертвый “дракон”. Трижды сожженный, вернувшийся, ненайденный. Он – “дракон”-призрак. Но призрак он или нет – его коды, коды “дракона”, видимы всем объектам всегда и везде. А коды офицера РССР не подключены к высшему поиску – объявлен он врагом системы или нет.

– Подключите код Ярова к высшему поиску, Тишинский. Он будет обнаружен, как только появится здесь, в коридорах штаба Ясного. Но он не будет уничтожен.

– Он – подобие Хакая, но никто не знает, что такое – Хакай.

– Найти способ борьбы с ним необходимо, узнав, что он такое, сейчас.

– Хакай взял его память. Остальное – не известно.

– Хакай нарушает запреты, Тишинский. Он был трижды сожжен, но вернулся. Теперь он не сгорит в огне. Он исчезнет, всходя на костер, явится – сходя с кострища. Он стал иным. Он создает иных, подобных себе.

– Но призрак – видение, не способное действовать. Призраки виртуальны. Это только коды памяти объектов – только проекции кодов памяти. Их проецирует разум. Или их проецирует разуму излучение кибербазы.

– Эти призраки явлены реальным пространством, временем. Хакай напрямую программирует пространство, время, которые отображают, скрывают его. Хакай пишет программы Пустоты, подключая, отключая коды одиннадцатого измерения. Он посягает на Пустоту, угрожая чужому пространству, принуждая Стража к ответной угрозе.

– У Хакая нет точного расчета – ему не подвластен точный расчет. У него нет энергии, нет технологий для внедрения в одиннадцатое измерение, Снегов.

– Но он перешел границы Пустоты. Он подключает отключенные коды одиннадцатого измерения, призывая к пространству и времени подобия мертвых офицеров, покинувших пространство, время.

– Это угрожает всему – всей Вселенной.

– Не одной этой Вселенной. Его действия ставят под угрозу всю действующую память Пустоты.

– Одним недочетом он уничтожит все. Цепные реакции перестроят энергию – в проэнергию, подключенное пространство и время – в отключенное. Он применяет еще только дестабилизаторы, переводящие скрытые форматы Пустоты – в открытые, но применит и стабилизаторы, переводящие открытые форматы – в скрытые. Этого допускать нельзя. Нет более опасных технологий, более разрушительного оружия.

– Эти технологии нам не остановить. Но скоро их остановит Хакай. Скоро Хакай будет остановлен Роттером. “Дракон” не будет лишен сил, но будет лишен цели. Хакай завершит задачу, он исчезнет, когда появится враг, которого он не способен будет сразить. Враг, которого никто не будет способен сразить, не сразив себя.

Я подошел к зеркальной стене, но увидел только белый свет. Они называют меня богом. Они ищут подобия пространств, времен в древних сказаниях. Но древние легенды отражают не пространство, время глазами людей, а людей – глазами пространства, времени.

Верховный бог, воин, отдавший глаз в обмен на мудрость, ведет рать Валхаллы в последний бой с драконом беспредельного хаоса. Бой этот заберет все, расколов ледники Ивартэна, разбив иглы Хантэрхайма, рассыпав тени Шаттенберга, расщепив копы Штрауба, разломав башни Ясного, сорвав звезды Небесного. Но этот последний бой будет кончен только для начала нового боя.

Другой бог поднимется в небо по обрушенным башням Асгарда, другой бог поднимет башни другой крепости, другой системы. Он соберет другую рать, он начнет другую войну. Это будет, пока будут люди, пока люди будут становиться богами. Этого не будет только тогда, когда не будет людей.

Тишинский снял перчатки с моих скованных онемением рук. Он сбросил с моих плеч черную шинель, китель. Он облачил меня в белую форму верховного главнокомандующего Армии AVRГ, главы Совета AVRГ, единовластного правителя системы, расколотой еще не явленным врагом. Системы, под штандартами которой мной будут объединены войска трех систем. Я перевел слепые глаза к зеркалам, но не увидел отражений. Белый свет стер мое лицо. Я стерт белым светом. Теперь меня нет. Есть единовластие.

А это что такое? Коды какие-то... Нет, я этого не понимаю... Снегов что, дальше будет какими-то

другими кодовыми обозначениями отчет вести? Но я ж не понимаю... Как же так? Как же так не справедливо? Ведь это не справедливо... Я ж – историк, я должен изучать... Мне и так страшно этот отчет исследовать было, но я... А теперь... Мне что, теперь еще и коды чужие учить придется, чтоб историю узнать? Но это ж очень сложно...

И вообще... Это не просто жутко... От этого – просто зубы стучат и клацают... и хвост еще выстукивает нервную дробь... А крысы очень серьезны. Они совещаются с мрачным и согласным видом. Наверное, они все поняли... А я – почти ничего... В голову приходит только то, что это очень страшные люди с очень страшными обязанностями... И еще, что правитель должен быть настолько велик, насколько и его держава... И не только велик, но еще и жесток – иначе он с державой не управится... Ведь держава – безмозглая штука в общем, без применения силы с ней никак не разьясниться... Еще я понял, что только человек способен сделать державу сильной, но править сильной державой способен только не человек – иначе все рухнет. Точно. А вот у нас, у котов, вообще нет державы – никто ее не создает, никто ей не правит, никто ее не разрушает... Вот как. У нас ни державы, ни правителей, поэтому у нас и рушиться нечему, и рушить некому. Вот как. Правда, нам нечего создавать и сохранять... у нас ведь ни державы, ни правителей... Ничего у нас, бедных, кроме охоты на крыс... Но это дело поправимое. Я сейчас в государственные дела вникну и... Нет, не вникну! Уж очень это все страшно и опасно! Зачем мне сказки про последний бой перед первым боем, когда у меня есть сказки про охоту на крыс! И никому никогда я не отдам глаз в обмен на мудрость, как сделал это древний бог войны! Я лучше двумя глазами буду крыс видеть, чем одним – крыс, а другим – черт знает что... что-то вроде кодов этого верховного главнокомандующего... Вот так. Вот я какой! Принципиальный. Вольный хищник...